

ного текста. Тематические разделы охватывают около трех четвертей общего числа статей этой части, но они нередко возвращаются к сходным сюжетам и постоянно перебиваются отдельными самостоятельными статьями.

Третья часть — статьи [95—120] (статьи 99—120) — характерна полным господством несистематизированных статей.

Как видим, степень систематизации материала явно убывает по мере приближения к концу памятника.

Такая особенность — специфическое свойство ПСГ. Пространная Правда его не знает. Ее статьи расположены в более или менее систематизированном порядке до самого конца; последняя часть Правды — Устав о холопах — отличается даже большей композиционной цельностью, чем большинство других разделов памятника. Закон Судный Людем пространной редакции также сохраняет единство композиционных принципов во всем своем тексте, оно нарушается только в самом конце памятника вследствие приписки трех русских статей.

Постепенное понижение степени систематизации текста ПСГ не может быть объяснено ошибками писца, именно закономерность этого понижения снижает вероятность такого предположения. Это явление не может быть объяснено и особенностями мышления средневекового кодификатора, группировавшего и располагавшего статьи не так, как это сделал бы юрист XIX—XX вв.; против такого предположения говорит сам факт разной степени систематизации. Объяснение такого феномена можно искать только в истории текста Грамоты.<sup>44</sup>

**А. А. З И М И Н**

### **ДВОРОВАЯ ТЕТРАДЬ 50-х ГОДОВ XVI в. И ФОРМИРОВАНИЕ СОСТАВА БОЯРСКОЙ ДУМЫ И ДВОРЦОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ**

Публикация в 1950 г. полного текста Дворовой тетради 50-х годов XVI в. позволила исследователям отчетливо представить себе состав государева двора середины XVI в.<sup>1</sup> Однако историю формирования состава Боярской думы и дворцовых учреждений в этот период без специального текстологического анализа памятника уяснить очень трудно, а подчас практически

<sup>44</sup> См.: Алексеев Ю. Г. Вопросы истории текста Псковской Судной грамоты. — Вспомогат. истор. дисциплины, XI. Л., 1979, с. 67—68.

<sup>1</sup> Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. Подготовил к печати А. А. Зимин. М.—Л., 1950.

и невозможно. Важность же анализа изменений в правительственных кругах в ходе реформ правительства Адашева очевидна.

О происхождении Дворовой тетради и ее особенностях было высказано много интересных соображений.<sup>2</sup> В то же время остаются еще не решенные вопросы истории текста памятника, требующие дальнейшего изучения.

Первоначальный текст Дворовой тетради был составлен в 1551/52 г. (об этом говорят и прямая его дата — 7060 г., и анализ личного состава государева двора). В дальнейшем в нее вписывались имена новых лиц, входивших в состав государева двора на протяжении девяти лет, т. е. до 7068 (1559/60) г. включительно. Выбывавшие по разным причинам лица вычеркивались.

Подлинник памятника до нас не дошел: исследователь располагает только двумя полными списками, датируемыми второй половиной XVIII в. (списки XVII в. дефектны и дают лишь часть текста).<sup>3</sup> Копиисты XVIII в., переписывая текст памятника, отмечали пометы, вычеркивания и исправления, имевшиеся в подлиннике. Однако так они поступали не всегда, что делает необходимым изучение обоих списков. Палеографические их особенности не дают возможности определить, какой текст Дворовой тетради был первоначальным и как делались к нему приписки. Необходим текстологический анализ, чтобы попытаться понять историю создания самого памятника.

В настоящей работе сделана попытка рассмотреть личный состав Боярской думы, дворцов и казны на основе изучения истории текста Дворовой тетради.

Для того чтобы выяснить, какие лица и когда были приписаны к основному тексту Дворовой тетради (следовательно, получили думский чин или дворцовое назначение), нужно сопоставить сведения Дворовой тетради с данными разрядных книг, довольно точно фиксирующими первые упоминания служилых людей с чинами и дворцовыми назначениями.<sup>4</sup> Необходимо привлечь актовый материал (особенно важный для характеристики дворцовых учреждений), а также сведения посольских книг и некоторые другие источники. Следует учитывать опыт делопроизводственной практики второй половины XVI в., чтобы реконструировать ха-

<sup>2</sup> Смирнов И. И. Рец. на: Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.—Л., 1950. — *Вопр. истории*, 1951, № 7, с. 114—117; Зимин А. А. 1) Реформы Ивана Грозного. М., 1960; 2) К изучению реформ «Избранной рады». — *История СССР*, 1976, № 4, с. 154—159; Скрынников Р. Г. Начало опричнины. Л., 1966, с. 153 и др.; Флоря Б. Н. Несколько замечаний о «Дворовой тетради» как историческом источнике. — *Археограф. ежегодник за 1973 год*. М., 1974, с. 53 и след.; Назаров В. Д. Из истории центральных государственных учреждений России середины XVI в. — *История СССР*, 1976, № 3, с. 76—96.

<sup>3</sup> Текст издан по списку ГБЛ, собр. Никифорова, № 330. Позднее обнаружен список ГИМ, Музейное собр., № 3417 (далее — М), о нем см.: Зимин А. А. Реформы..., с. 372.

<sup>4</sup> Разрядная книга 1475—1598 гг. Подготовка текста, вводная статья и редакция В. И. Буганова. М., 1966 (далее — РК).

ракетер работы разрядных дьяков над текстом Дворовой тетради. Дополнения в текст этого памятника вносились главным образом в конце каждой рубрики (раздела), для чего в подлиннике предусмотрительно отводилось несколько чистых листов. Иногда дополнения обнаруживаются и в начале рубрики (где было свободное место после заголовка). Братья и другие родичи иногда приписывались тому члену семьи, который был в первоначальном тексте тетради. Для выяснения вставочного характера записи того или иного лица важно учитывать, есть ли о нем упоминания в других рубриках Дворовой тетради с отсылочными пометами (типа «боярин», «дворец» и т. п.).

Дворовая тетрадь открывается списком бояр. Первым среди них назван кн. И. Д. Бельский. Это явная приписка. Бельский упоминается в Дворовой тетради и в рубрике «князи служилые». Там он и находился в момент составления тетради. Боярский чин он получил только в 1560 г., когда и был записан в новую рубрику, а в старой к его имени сделана была приписка «боярин».<sup>5</sup>

Далее с кн. И. М. Шуйского по З. П. Яковля включительно помещены лица, обладавшие боярским чином еще до времени составления Дворовой тетради (Яковля впервые как боярин упоминается еще в 1551 г.).<sup>6</sup> Двое бояр, внесенных в Тысячную книгу (октябрь 1550 г.), в Дворовой тетради отсутствуют, ибо они к 1551/52 г. уже умерли.<sup>7</sup>

К вставкам в первоначальный текст Дворовой тетради можно отнести упоминание о боярах князьях Петре, Иване и Дмитрие Андреевичах Булгаковых. Они добавлены к записи о боярине князе Федоре, их старшем брате. Все трое Булгаковых помещены в Дворовой тетради также под рубрикой «Переславль Залеской» с пометой «бояре». В разрядах князь Петр как боярин впервые упомянут в марте 1559 г.,<sup>8</sup> Иван — летом 1556 г.,<sup>9</sup> Дмитрий — летом 1559 г.<sup>10</sup>

Позднее были приписаны Иван и Никита Меньшой Васильевичи Шереметевы к своему старшему брату боярину Ивану Большому. Оба они также помещены среди окольных с пометой «почернены». Никита еще летом 1557 г. был окольным, а в 1558 г. он уже боярин.<sup>11</sup> Иван Меньшой окольным был летом 1558 г., а в 1559 г. он уже боярин.<sup>12</sup>

<sup>5</sup> Тысячная книга..., с. 117; РК, с. 182.

<sup>6</sup> РК, с. 131.

<sup>7</sup> Кн. Д. Ф. Бельский умер в январе 1551 г. (Зимин А. А. Состав Боярской думы в XV—XVI вв. — Археограф. ежегодник за 1957 год. М., 1958, с. 52); Г. В. Морозов в разрядах последний раз упоминается в 1551 г. (РК, с. 131).

<sup>8</sup> РК, с. 178. — В 1555/56 г. упомянут еще без думского чина (с. 160).

<sup>9</sup> РК, с. 156. — До этого упоминается в апреле 1554 г. без чина (с. 144).

<sup>10</sup> РК, с. 181. — До этого упоминается в конце 1548 г. без чина (с. 121).

<sup>11</sup> РК, с. 163, 172.

<sup>12</sup> РК, с. 170, 176.

Впервые в июне 1552 г. как боярин упомянут И. Д. Шейн, но он после августа 1550 г. (когда поименован окольным) в разрядах не встречается.<sup>13</sup> Так как его в списке окольных Дворовой тетради нет, то можно думать, что к 1551/52 г. он уже был боярином.

Вслед за Шейным в Дворовой тетради среди бояр помещен ряд лиц, которые скорее всего свои чины получили около 1552—1553 гг.

С. К. Заболоцкий как боярин упомянут в апреле 1552 г., но в конце 1549 г. он еще окольный.<sup>14</sup> Так как его в списке окольных нет, то и он к 1551/52 г. был уже боярином.

Князь П. С. Серебряный как боярин упоминается в разрядах впервые летом 1552 г., а весной 1550 г. он еще называется просто воеводой (в октябре 1550 г. в Тысячной книге упоминается не среди бояр, а среди князей Оболенских).<sup>15</sup> Князь Д. И. Немой Оболенский как боярин упоминается в разрядах впервые летом 1552 г., но до этого без думного чина последний раз встречается в мае 1550 г.<sup>16</sup> П. В. Морозов еще в 1551 г. был окольным, а в 1554 г. (и скорее всего уже в 1553 г.) был боярином.<sup>17</sup> Поскольку Серебряного, Немого и Морозова в Дворовой тетради в других рубриках нет, надо думать, что к 1551/52 г. они были уже боярами.

Ф. Г. Адашев летом 1553 г. был уже боярином, а осенью 1552 г. он еще окольный.<sup>18</sup> В. Ю. Траханиот в августе 1553 г. упомянут как боярин, а до этого (во всяком случае в 1548 г.) был боярином царицы.<sup>19</sup> Поскольку и Ф. Г. Адашев, и В. Ю. Траханиот в Дворовой тетради упомянуты только в списке бояр, можно думать, что их имена находились уже в первоначальном тексте этой рубрики или вскоре после ее составления.

После Траханиота в Дворовой тетради идут лица, явно приписанные после основного текста памятника. Если уже в конце основного текста наблюдается тенденция размещать бояр с учетом хронологии получения ими чинов, то далее эта тенденция превращается в естественный порядок.

Дальнейший перечень бояр из Дворовой тетради можно для наглядности изобразить так:

<sup>13</sup> РК, с. 129; «Продолжение ДРВ», ч. IX, с. 3. — В разрядах впервые с боярским титулом упомянут в 1553 г. (РК, с. 141).

<sup>14</sup> РК, с. 124, 134.

<sup>15</sup> РК, с. 124, 131. — В рубрике «бояре» Дворовой тетради кн. П. С. Оболенский упомянут дважды: самостоятельно и вторично, когда его приписали к брату Василию.

<sup>16</sup> РК, с. 126, 136.

<sup>17</sup> РК, с. 133, 146. — В этом списке Государева разряда под 1553 г. он как будто упомянут без боярского чина (там же, с. 141, 143). Но в других списках есть чтение «бояре», что делает возможным считать Морозова боярином уже в 1553 г. (Миллюков П. Н. Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.). М., 1901, с. 162—165).

<sup>18</sup> РК, с. 138, 140.

<sup>19</sup> РК, с. 115, 141.

Боярин	Первое упоминание с чином	Последнее упоминание без чина	Упоминание в других разделах Дворовой тетради
И. М. Воронцов	Май 1554 г. (РК, с. 145)	Сентябрь 1552 г. (РК, с. 137)	Окольничий, помета «боярин» (М)
Кн. И. М. Троекуров	Июль 1556 г. <sup>20</sup> (РК, с. 159)	1553 г. (РК, с. 140)	Кн. Ярославский «63-го боярин»
Кн. И. В. Горенский	Весна 1555 г. (РК, с. 159)	Лето 1554 г. (РК, с. 146)	Кн. Оболенский
Кн. Ю. И. Шемякин-Пронский	До 1 апреля 1555 г. <sup>21</sup>	Апрель 1554 г. (РК, с. 144)	
Ю. М. Воронцов	Апрель 1555 г. (РК, с. 15)	1547 г. (РК, с. 112)	Переславль, «боярин 63-го»
А. Д. Плещеев	Сентябрь 1555 г. (РК, с. 153)	Лето 1555 г. (РК, с. 149)	Окольничий, «боярин» (М)
Кн. Ю. И. Кашин	Сентябрь 1555 г. (РК, с. 153)	Лето 1555 г. (РК, с. 149)	Калуга
Кн. И. А. Булгаков	Лето 1556 г. (РК, с. 156)	Апрель 1554 г. (РК, с. 144)	Переславль
Кн. А. М. Курбский	Лето 1556 г. (РК, с. 156)	Апрель 1555 г. (РК, с. 153)	Кн. Ярославский
Кн. А. И. Ростовский	Лето 1557 г. (РК, с. 162)	Лето 1556 г. (РК, с. 157)	Князя Ростовские
И. Я. Чоботов	1559 г. <sup>22</sup> (РК, с. 181)	Июль 1557 г. (РК, с. 163)	Окольничий
И. П. Яковля	Март 1558 г. (РК, с. 167)	Лето 1557 г. (РК, с. 162)	Окольничий
Кн. Д. И. Хилко	1557/58 г. <sup>23</sup> (РК, с. 172)	Лето 1557 г. (РК, с. 163)	Дворецкий, «боярин»
Я. Л. Салтыков	Июнь 1558 г. (помета М <sup>24</sup> )	Июль 1557 г. (РК, с. 163)	Окольничий, «66-го боярин» (М)
Кн. П. А. Булгаков	Март 1559 г. (РК, с. 178)	1555/56 г. (РК, с. 160)	Переславль
Кн. М. П. Репнин	До 1 сентября 1559 г. (РК, с. 181)	1557/58 г. (РК, с. 175)	Князя Оболенские, «боярин»

<sup>20</sup> Судя по месту в Дворовой тетради, боярином стал после мая 1554 г., но до весны 1555 г.

<sup>21</sup> В разрядах последний раз упоминается в апреле 1554 г. без боярского чина, 1 апреля 1555 г. по нем сделан вклад (3 и м и н А. А. Состав Боярской думы в XV—XVI вв., с. 67).

<sup>22</sup> Боярином стал, очевидно, еще до марта 1558 г. (когда следующий за ним в Дворовой тетради И. П. Яковля упомянут с боярским титулом), но не ранее июля 1557 г., когда он еще окольныйничий.

<sup>23</sup> Боярином стал между мартом—июнем 1558 г., очевидно в июне 1558 г.

<sup>24</sup> В разрядах впервые упоминается как боярин лишь в 1563 г. (РК, с. 199).

Ф. М. Нагой	Июль <sup>25</sup> 1559 г. (АГР, т. I, № 34) <sup>26</sup>	Июль 1557 г. (РК, с. 157)	Окольничий, «боярин»
С. В. Яковля <sup>27</sup>	Март 1559 г. (РК, с. 178)	Лето 1558 г. (РК, с. 169)	Окольничий, «боярин» (М)
Кн. А. И. Воро- тынский	1559/60 г. (РК, с. 185)	1557/58 г. (РК, с. 172)	Князя служи- лые, «боярин»
Л. А. Салтыков <sup>28</sup>	1560/61 г. (Шума- ков С. А. Об- зор. . ., вып. IV, № 240)	1558/59 г. (РК, с. 199)	Окольничий
М. И. Вороной- Волынский	Февраль 1561 г. (Сб. РИО, т. 71, с. 34)	Март 1560 г. (Кабанов <sup>29</sup> )	Дворецкий
Ф. И. Умный-Ко- льцев <sup>30</sup>	Июль 1561 г. (ЦГАДА, ГКЭ, Владимир, № 37/184)	Январь 1560 г. (Сб. РИО, т. 59, с. 602)	Окольничий

Ф. И. Сукин, бывший окольничим еще в ноябре 1560 г., боярином стал к февралю 1561 г.<sup>31</sup> В Дворовой тетради он помещен не в боярском списке, а среди окольничих. Поэтому можно полагать, что текст Дворовой тетради уже к февралю 1561 г. перестал составляться. В Дворовой тетради отсутствуют и другие бояре, получившие свои чины в 1561—1562 гг. Так, нет в ней В. М. Глинского (был боярином в 1560/61 г.).<sup>32</sup> Он помещен в тетради в рубрике «князи служилые» без каких-либо помет о боярстве. Кн. И. П. Звенигородский стал боярином к марту 1562 г., но вскоре после этого умер.<sup>33</sup> В 1561/62 г. боярином был

<sup>25</sup> М. П. Репнин и Ф. М. Нагой стали боярами, очевидно, к марту 1559 г., когда были боярами кн. П. А. Булгаков и С. В. Яковля, между которыми они помещены в Дворовой тетради.

<sup>26</sup> Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. Собрал и издал А. Федотов-Чеховский. Т. I. Киев, 1860.

<sup>27</sup> В Дворовой тетради: Иван Васильевич Яковля. Это описка. Речь должна идти о Семене Васильевиче.

<sup>28</sup> Боярин уже в июне 1561 г. (Шумаков С. А. Обзор «Грамот коллегии экономии», вып. IV. М., 1909, № 1453). В разрядах в конце 1562 г. (РК, с. 199). Окольничий в декабре 1558 г. (Добропоров В. Г. История Троицкого Данилова монастыря. Сергиев Посад, 1908, прилож. II, № 13).

<sup>29</sup> Кабанов А. К. Материалы по истории Нижегородского края, вып. 2. — Действия Нижегородской ученой архивной комиссии, сб. XII, 1913, № 15. — В разрядах с чином боярина упоминается в декабре 1562 г. (РК, с. 198).

<sup>30</sup> В разрядах последний раз окольничим упоминается в 1558/59 г. (РК, с. 181), боярин в конце 1562 г. (с. 198). Боярином мог стать в период с января 1560 г. по июль 1561 г.

<sup>31</sup> Сб. РИО, т. 71, 1892, с. 20, 33.

<sup>32</sup> Шумаков С. Сотницы, грамоты и записи, вып. 1. М., 1902, с. 224. — В разрядах с боярским титулом упоминается в 1561/62 г. (РК, с. 193), без него в 1559/60 г. (с. 187, 188).

<sup>33</sup> Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел, ч. I. М., 1813, № 176. — Сохранилось завещание И. П. и Г. П. Звенигородских 1562 г. (АФЭХ, ч. 2. М., 1956, № 299).

В. В. Морозов.<sup>34</sup> В разрядах последний раз он упоминается в конце 1562 г.<sup>35</sup> В списке окольных против его имени пометы о боярстве нет.

Список бояр, помещенный в Дворовой тетради, в целом полно отражает состав боярской части Думы. Отсутствуют лишь трое бояр, получившие свои чины в 50-е годы. Так, к июню 1553 г. боярином стал кн. С. В. Ростовский.<sup>36</sup> В июле 1554 г. он пытался бежать в Литву, поэтому был брошен в заточение, а боярский чин у него отобрали.<sup>37</sup> В конце 1555 г. боярином в разрядах называется кн. Ф. И. Кашин.<sup>38</sup> Это последнее упоминание о нем в источниках, следовательно, он умер вскоре после получения боярства. Кашин помещен в разделе «князи Стародубские» с пометой «умре». Кн. Ф. Б. Ромодановский впервые упоминается с боярским титулом весной 1555 г., но это последнее сведение о нем в разрядах.<sup>39</sup> Итак, все три названных боярина в Дворовую тетрадь не попали или из-за их смерти вскоре после получения боярства, или из-за опалы.

Вслед за списком бояр в Дворовой тетради помещен боярин и дворецкий Д. Р. Юрьев (оба эти чина он имел уже к 1550 г.). Затем вторично помещен кн. А. М. Курбский (очевидно, из-за наличия свободного места в конце рубрики). Д. Р. Юрьев последний раз в качестве дворецкого выступает в грамоте от 30 апреля 1554 г., хотя в разрядах именуется дворецким еще в октябре 1555 г. По В. Д. Назарову, обязанности большого дворецкого с осени 1554 г. до конца 1555 г. были вакантны, а с января—февраля 1556 г. их выполнял Л. А. Салтыков.<sup>40</sup> В Дворовой тетради о Салтыкове как дворецком не говорится.

Те же приемы составления, которые обнаруживаются при анализе рубрики «бояре», характерны и для рубрики «окольные» Дворовой тетради. Первоначальная часть этого списка (до И. М. Воронцова включительно) относится к тексту, составленному еще в 1551/52 г. Правда, в нем есть С. И. Морозов, впервые упоминающийся как окольный в разрядах осенью 1552 г.<sup>41</sup> Но до этого он упоминается без чина только в 1547 г.,<sup>42</sup> так что он вполне мог быть окольным в 1551/52 г. Последний раз упоминается в разрядах в ноябре 1553 г.<sup>43</sup>

<sup>34</sup> РК, с. 195. — В 1558/59 г. еще окольный (с. 182).

<sup>35</sup> РК, с. 198.

<sup>36</sup> РК, с. 140. — До этого без боярского чина упоминается под 1547 г. (с. 113). Был боярином, очевидно, во время мартовских событий 1553 г. (ПСРЛ, т. XIII, вторая половина. СПб., 1906, с. 530).

<sup>37</sup> ПСРЛ, т. XIII, первая половина. СПб., 1904, с. 237—238.

<sup>38</sup> РК, с. 154. — До этого упоминался в апреле 1554 г. без боярского чина (с. 144).

<sup>39</sup> РК, с. 152. — Осенью 1552 г. этого титула еще не имел (с. 138).

<sup>40</sup> РК, с. 153; Назаров В. Д. Из истории..., с. 83—84.

<sup>41</sup> РК, с. 138.

<sup>42</sup> РК, с. 11.

<sup>43</sup> РК, с. 13.

В. П. Борисов в 1548/49 г. упоминается еще без думного чина, но к 1554/55 г. он уже окольниковичий.<sup>44</sup> Так как ни в Тысячной книге, ни в Дворовой тетради Борисова среди дворовых детей боярских нет, то надо полагать, что он получил свое звание окольниковичего еще в 1551/52 г. и находился в первоначальном тексте списка окольниковичих.

Первая часть списка окольниковичих заканчивалась И. Я. Чоботовым и И. М. Воронцовым. Чоботов с этим чином впервые упоминается еще в июле 1551 г. и по разрядам в сентябре 1552 г.<sup>45</sup> В сентябре 1552 г. как окольниковичий назван и И. М. Воронцов.<sup>46</sup> До этого он в разрядах не встречается. Чоботов и Воронцов в Тысячной книге записаны по Переславлю. Так как их нет в Дворовой тетради по этому городу, то надо полагать, что они оба находились в первоначальном тексте списка окольниковичих.

Возможно, к первоначальному тексту списка окольниковичих следует отнести Д. А. Чоботова, А. Д. Плещеева и кн. Дав. Ф. Палецкого. Как окольниковичий Д. А. Чоботов в разрядах впервые упоминается только с весны 1555 г., но до этого после 1549/50 г. разряды о нем просто ничего не говорят.<sup>47</sup> В Тысячной книге он помещен по Переславлю, т. е. до октября 1550 г. он еще окольниковичим не был. Но в Дворовой тетради он по этому городу не числится, т. е. как будто к 1551/52 г. он стал уже окольниковичим. А. Д. Плещеев впервые окольниковичим упомянут в разрядах к сентябрю 1552 г., хотя в 1550/51 г. этого чина у него еще не было.<sup>48</sup> Летом 1553 г. окольниковичим был Дав. Ф. Палецкий.<sup>49</sup> В Тысячной книге он упомянут по Костроме, а в Дворовой тетради только среди окольниковичих, значит, он мог иметь этот чин уже к 1551/52 г. или вскоре после этого.

Вероятно, вскоре после 1551/52 г. окольниковичим стал А. Ф. Адашев. В Тысячной книге он помещен среди костромичей, т. е. к октябрю 1550 г. чина окольниковичего еще не получил.<sup>50</sup> В марте 1553 г., если верить позднейшей приписке к Лицевому своду, Адашев еще «дворянин в Думе».<sup>51</sup> Впервые как окольниковичий Адашев в разрядах упомянут летом 1553 г.<sup>52</sup> К сожалению, данных об Адашове для 1552 г. у нас нет. В Дворовой тетради среди костромичей его не находим. К Алексею Адашеву в Дворовой

<sup>44</sup> РК, с. 124, 152. — Ср. также в апреле 1554 г. (ГБЛ, собр. Румянцева, № 54, л. 30).

<sup>45</sup> Лихачев Н. П. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках, вып. I. СПб., 1895, с. 219; РК, с. 138.

<sup>46</sup> РК, с. 137.

<sup>47</sup> РК, с. 125, 152.

<sup>48</sup> РК, с. 131, 137.

<sup>49</sup> РК, с. 141. — В сентябре 1552 г. он как будто этим чином окольниковичего не обладал (с. 137).

<sup>50</sup> В разрядах без думного чина упомянут летом 1550 г. (РК, с. 127).

<sup>51</sup> ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, с. 523.

<sup>52</sup> РК, с. 141.

тетради позднее был приписан его брат Даниил (о нем будет сказано далее).

Всю остальную часть раздела «окольничие» составляют позднейшие приписки, делавшиеся по мере получения теми или иными лицами этого думного чина. Дальнейший их перечень выглядит так:

Окольничий	Первое упоминание с чином	Последнее упоминание без чина	Упоминание в других разделах Дворовой тетради
М. В. Яковля	Апрель 1555 г. (РК, с. 15)	1548/49 г. (РК, с. 119)	Коломна, «окольничие оба» (с братом)
И. П. Головин	Лето 1555 г. (РК, с. 151)	Октябрь 1552 г. <sup>53</sup> (РК, с. 138)	Казначей, «окольничей»
В. Д. Данилов	Октябрь 1555 г. (РК, с. 154)	Весна 1554 г. (РК, с. 146)	Можайск, «окольничей» (М)
Д. М. Плещеев	Лето 1555 г. (РК, с. 151)	Март 1555 г. (РК, с. 149)	Переславль, «окольничей 63-го»
С. В. Шереметев	Около 1556 г. <sup>54</sup>	Август 1555 г. (РК, с. 153)	Коломна, «окольничие оба» (М) с братом
Н. В. Шереметев	Июль 1557 г. (РК, с. 162)	Ноябрь 1555 г. (РК, с. 155)	То же
И. В. Шереметев Меньшой	Лето 1558 г. <sup>55</sup> (РК, с. 170)	1556/57 г. (РК, с. 161)	То же
С. В. Яковля	Лето 1557 г. <sup>56</sup> (РК, с. 163)	Июль 1556 г. (РК, с. 157)	Коломна, «окольничие оба» (с братом)
Кн. Д. С. Шестунов	1556/57 г. <sup>57</sup> (По-мета)	1555/56 г. (РК, с. 157)	Ростов

<sup>53</sup> Как казначей упомянут еще в феврале 1554 г. (Зимин А. А. О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI в. — Истор. записки, 1958, т. 63, с. 195). Окольничим, возможно, стал уже к октябрю 1554 г., когда его место казначея занял Х. Ю. Тютин.

<sup>54</sup> Дата условна, определена по положению в Дворовой тетради и другим данным. Умер 8 октября 1557 г. (Зимин А. А. Состав Боярской думы в XV—XVI вв., с. 68).

<sup>55</sup> Судя по положению в Дворовой тетради, окольничим стал около 1557/58 г. И. В. и Н. В. Шереметевы нарушают хронологическую последовательность окольничих в Дворовой тетради, ибо приписаны позднее к брату Семену.

<sup>56</sup> В списке М есть помета «65-го ген. Боярин». Смысл ее неясен. Возможно, речь идет о двух пометах. Если так, то, может быть, окольничим С. В. Яковля стал к январю 1557 г.

<sup>57</sup> В разрядах впервые упомянут как окольничий летом 1558 г. (РК, с. 167), ср. в марте 1558 г.: ЧОИДР, 1899, кн. I, отд. IV, с. 4.

Окольничий	Первое упоминание с чином	Последнее упоминание без чина	Упоминание в других разделах Дворовой тетради
И. П. Яковля	Лето 1557 г. (РК, с. 163)	Октябрь 1556 г. (РК, с. 161)	«65-го окольничей», Коломна, «окольничие оба» (с братом)
Ф. И. Умного-Кольчев	Декабрь 1557 г. <sup>58</sup> (АИ, т. I, СПб., 1841, № 154)	Лето 1555 г. (РК, с. 151)	Торжок
В. П. Яковлев <sup>59</sup>	1558/59 г. (РК, с. 182)	Весна 1554 г. (РК, с. 145)	Коломна, «окольничие оба» (с братом)
Кн. В. А. Сицкий	Март 1559 г. (РК, с. 178)	Июль 1557 г. (РК, с. 163)	Дворецкий, «окольничей»
Д. Ф. Адашев	Февраль 1559 г. (РК, с. 178)	1557/58 г. (РК, с. 174)	Кострома, «окольничей»
Н. Р. Юрьев	1558/59 г. (РК, с. 181)	1557/58 г. (РК, с. 176)	Коломна, «окольничей» (М)
М. М. Лыков	Около 1560 г. <sup>60</sup>	Июль 1556 г. (РК, с. 159)	Волок, «окольничей»
Ф. И. Сукнин	Август 1560 г. <sup>61</sup> (Сб. РИО, т. 71, с. 1—3)	1558/59 г. (РК, с. 181)	Казначей
П. П. Головин	Июль 1560 г. <sup>62</sup> (Сб. РИО, т. 129, 1910, с. 75)	Январь 1560 г. (РК, с. 184)	Москва, «окольничей»
М. М. Тучков	Около 1560 г. <sup>63</sup>	1555/56 г. (РК, с. 157)	Ростов, «окольничей»
А. А. Бутурлин	Январь 1560 г. <sup>64</sup> (Сб. РИО, т. 129, с. 6)	Лето 1555/56 г. (РК, с. 157)	Переславль, «окольничей»

Никаких пропусков окольничих за 1551/52—1560 гг. в Дворовой тетради нет, кроме одного. Некоторое время окольничим был кн. И. П. Звенигородский, прежде чем к марту 1562 г. стать боярином. В списке дворовых людей по Кашину против его имени помета «Окольничей». Возможно, его окольничество сле-

<sup>58</sup> В разрядах впервые упомянут окольничим в январе 1558 г. (РК, с. 170).

<sup>59</sup> Помещен вместе с братом Иваном, который упоминается и выше. В разрядах как окольничий упоминается летом 1565 г. (РК, с. 213). Дата получения чина предположительная, по месту в Дворовой тетради.

<sup>61</sup> В разрядах как окольничий не упоминается.

<sup>62</sup> В разрядах как окольничий упоминается в конце 1562 г. (РК, с. 199).

<sup>63</sup> Условно, по положению в Дворовой тетради. В разрядах впервые как окольничий упоминается в 1564/65 г. (РК, с. 213).

<sup>64</sup> В разрядах окольничий в ноябре 1562 г. (РК, с. 198).

дует датировать примерно 1560—1561 гг.<sup>65</sup> Вероятно, весной — летом 1560 г. и во всяком случае в 1561/62 г. окольников был М. П. Головин.<sup>66</sup> В Дворовой тетради он помещен по Москве без упоминания об окольничестве. Нет в Дворовой тетради и тех, кто получил окольничество в 1562 г. (З. И. Очин-Плещеев, кн. И. М. Хворостинин).<sup>67</sup>

Итак, список окольников (как и бояр) доводился примерно до конца 1560 г. Следовательно, мы уверенно датируем прекращение работы с текстом тетради в Разряде этим временем.<sup>68</sup> Этот вывод можно подкрепить и анализом помет в тексте тетради, наиболее поздние из которых датируются 7068 г.<sup>69</sup>

За списком окольников помещены окольниковый и оружничий Л. А. Салтыков и И. П. Головин. Слова «окольниковый и» для Салтыкова могли быть припиской (летом 1550 г. он просто оружничий, а летом 1553 г. окольниковый и оружничий).<sup>70</sup> В Тысячной книге — оружничий. И. П. Головин приписан на свободное место в конце раздела (он помещен и выше в разделе «окольниковый»), т. е. так же, как кн. А. М. Курбский в конце списка бояр.

После И. П. Головина в списке окольников подведены итоги — 40 человек (в конце списка бояр — «всего 66 человек»). Эти подсчеты условны, ибо лица, упомянутые дважды в обоих разделах, рассмотрены как два разных человека. Затем идет текст: «В том числе над которыми помечено в боярах 5 человек». С учетом помет на списке М это соответствует действительности (пометы относятся к Я. А. Салтыкову, Ф. М. Нагому, И. М. Воронцову, А. Д. Плещееву и С. В. Яковлю).

Чрезвычайно важен для изучения перестройки государственного аппарата в середине XVI в. следующий раздел Дворовой тетради, посвященный дворецким. Заметим, что он не имеет заголовка и расположен отдельно от упоминания о Д. Р. Юрьеве, большом дворецком. Это уже ставит перед исследователем вопрос о том, не является ли весь этот раздел позднейшей вставкой. В пользу этого говорит и то, что все дворецкие упомянуты в других разделах тетради с пометами «Дворец» и т. п. Историей дворцов в середине XVI в. в последнее время успешно занимался В. Д. Назаров, на конкретные наблюдения которого автор в дальнейшем и опирается.

В. Д. Назаров пришел к выводу, что в Дворовой тетради «зафиксированы дворецкие за период со второй половины 1554 по

<sup>65</sup> В разрядах окольников в ноябре 1562 г. (РК, с. 198).

<sup>66</sup> По пространной редакции разрядных книг (Скрынников Р. Г. Начало опричнины, с. 153), в Государевом разряде летом 1560 г. еще без чина (РК, с. 187). В 1561/62 г. окольниковый (РК, с. 196).

<sup>67</sup> Витебская старина, т. IV. Витебск, 1885, с. 32; РК, с. 199.

<sup>68</sup> Впервые эту мысль высказал Р. Г. Скрынников (Начало опричнины, с. 153).

<sup>69</sup> Тысячная книга..., с. 136, 201.

<sup>70</sup> РК, с. 127, 141.

середины 1558 г.».<sup>71</sup> Ряд лиц, по его мнению, в тетради «не назван просто потому, что копиисты не сумели разобрать их фамилий из-за слишком жирных зачеркиваний».<sup>72</sup> Тезис о «жирной черте» как причине отсутствия в Дворовой тетради тех или иных лиц еще ранее высказывал Б. Н. Флоря.<sup>73</sup> У В. Д. Назарова нет «полной ясности и в причине включения лиц в списки думных чинов и дворецких». В частности, «вполне допустимо, что в Дворовой тетради не фиксировались пожалования в дворецкие, если пожалованный уже имел думный чин».<sup>74</sup>

Тезис о «жирной черте» не выдерживает проверки фактами (во всяком случае для думных людей и дворцовой администрации). Дело в том, что в Дворовой тетради нет и «отсылочных» помет («Дворец») в тексте, посвященном дворovým детям боярским, для лиц, отсутствующих в списке дворецких. Заметим, что в разрядных книгах в 50-х годах встречаются только те областные дворецкие, которые есть в Дворовой тетради. В них нет Н. И. Фуникова, ибо он последний раз упомянут там в июне 1553 г., когда еще был печатником и дьяком<sup>75</sup> и не получил в управление Углицкий дворец. Но в свадебных разрядах за ноябрь 1554 г. он назван дворецким. Нет в разрядах и И. Г. Выродкова, который упоминался там в 1556 г., а за тем только в 1561/62 г., т. е. во время пребывания во дворце он в разряд не попал.<sup>76</sup>

Попытаемся, опираясь на исследование В. Д. Назарова, выяснить обстоятельства появления раздела об областных дворецких в Дворовой тетради. Первым в нем помещен рязанский дворецкий кн. В. А. Сицкий. По разрядам, этот пост он занимал летом 1556 и летом 1557 гг.<sup>77</sup> По правдоподобным наблюдениям В. Д. Назарова, В. А. Сицкий получил дворцовый чин не ранее 1555 г. В марте 1559 г. он уже упоминается с чином окольникового.<sup>78</sup> В Дворовой тетради он помещен также в рубрике «князи ярославские» с пометой «дворец». В разделе, посвященном областным дворецким, у его фамилии помета «окольничий». Итак, В. А. Сицкий около 1559 г. перестал исполнять функции дворецкого. Больше о рязанских дворецких нам ничего не известно. Впрочем, ничего не знаем мы о них также после 1550 и до 1556 г.<sup>79</sup>

Следующим в Дворовой тетради помещен дмитровский дворецкий И. И. Жулебин. В списке *М* у него помета «умре». В руб-

<sup>71</sup> Назаров В. Д. Из истории... , с. 90.

<sup>72</sup> Там же, с. 91.

<sup>73</sup> Флоря Б. Н. Несколько замечаний... , с. 56.

<sup>74</sup> Назаров В. Д. Из истории... , с. 91.

<sup>75</sup> РК, с. 141.

<sup>76</sup> РК, с. 157, 196.

<sup>77</sup> РК, с. 157, 163. — В сентябре 1554 г. упомянут без этого чина (с. 147).

<sup>78</sup> РК, с. 178.

<sup>79</sup> Назаров В. Д. Из истории... , с. 89.

рике Ржева против его имени помета «Дворец». В разрядах он с этим чином упоминается летом 1556 г., а летом 1555 г. у него этого чина не было.<sup>80</sup> По В. Д. Назарову, он и стал дворецким примерно летом 1556 г., так как до этого (до начала марта 1556 г.) находился в Новгороде.<sup>81</sup> По В. Д. Назарову, до начала 1552 г. бесспорно дворецким был В. Ю. Траханиот (к августу 1553 г. боярин), а весной—летом 1553 г. исполнял обязанности дворецкого и окольного оружничий Л. А. Салтыков. В конце октября 1553 г. в одной грамоте дворецким называется боярин кн. Д. И. Немой.<sup>82</sup> Около 1554/55 г. дмитровским дворецким был окольный А. А. Квашнин,<sup>83</sup> а в январе 1560 г. П. И. Головин.<sup>84</sup> Больше о дмитровских дворецких нам ничего не известно. Никого из названных лиц (кроме Жулебина) Дворовая тетрадь как дмитровских дворецких не называет. Этот факт еще требует своего объяснения.<sup>85</sup>

Следующим в списке дворецких Дворовой тетради помещен кн. Д. И. Хилков. Боярином он стал к лету 1558 г. Каким ведал он дворцом, неясно. По В. Д. Назарову, он дворецким назначен был летом 1557 г., когда он в одной разрядной росписи назван дворовым воеводой.<sup>86</sup> В личной беседе со мной В. Д. Назаров поставил вопрос, не был ли Хилков казанским дворецким. Такое предположение весьма заманчиво. Но пока данных для его доказательства (или опровержения) у нас нет.

Затем в Дворовой тетради помещен казанский дворецки М. И. Вороной-Волынский, который впервые с этим чином упоминается летом 1558 г.<sup>87</sup> В 1553 г. казанским дворецким продолжал еще числиться Д. Р. Юрьев.<sup>88</sup> Волынский помещен также в Дворовой тетради по Ржеву с пометой «Дворец». К февралю 1561 г. он стал боярином.

Тверским дворецким в Дворовой тетради назван Н. А. Курцев. Около его имени есть пометы: «63-го» (М) и «В опале» (в рубриках о печатниках и казначеях у него помет нет). Составляли они одну или две пометы, неясно. Фуников упоминается как дворецкий 8 ноября 1554 г.<sup>89</sup> За год до этого он известен как печатник (в качестве такового он и отмечен раньше в Дворовой тетради). Около августа 1560 г. он уже стал казначеем (есть и в этом разделе тетради). После Фуникова тверские

<sup>80</sup> РК, с. 152, 159. — Это последнее упоминание Жулебина в разрядах.

<sup>81</sup> Назаров В. Д. Из истории..., с. 88.

<sup>82</sup> ЦГАДА, ф. 1193, кн. 1, № 171; Назаров В. Д. Из истории..., с. 88.

<sup>83</sup> ЦГАДА, ф. 1193, кн. 1, № 168; Назаров В. Д. Из истории..., с. 88.

<sup>84</sup> РК, с. 184. — До этого в разрядах не упоминается.

<sup>85</sup> Возможно, прав В. Д. Назаров, считающий, что, сообщая о думных людях, разрядные источники опускали сведения об их дворцовой службе.

<sup>86</sup> РК, с. 163; Назаров В. Д. Из истории..., с. 88.

<sup>87</sup> РК, с. 170.

<sup>88</sup> Сб. РИО, т. 59, 1887, с. 374. — Последние сведения о его реальной деятельности как нижегородского дворецкого доходят до 1551 г.

<sup>89</sup> Сахаров И. П. Сказания русского народа, т. II, кн. VI. СПб., 1849, с. 60. — В ноябре 1553 г. еще печатник (там же, с. 56).

дворецкие неизвестны. Против его имени есть помета: «В опале». До Фуникова тверским дворецким был В. М. Юрьев. Впрочем, после получения им боярского чина (1549) данных о его реальной деятельности как тверского дворецкого у нас нет. Он называется тверским дворецким при отправлении его в посольство в Польшу в январе 1554 г.<sup>90</sup> Нет у него этого титула в разрядах 50-х годов. По разъезжей 1558 г. на волоколамские земли, В. Д. Назаров делает предположение, что В. М. Юрьев был дворецким летом—осенью 1554 г.<sup>91</sup> Впрочем, в этой грамоте Юрьев прямо дворецким не назван.

Наконец, последним в списке дворецких назван И. Г. Выродков, ранее помещенный также в рубрике больших дьяков с пометой «отказ». Углицкие дворецкие до него неизвестны. Выродков назван таковым в мартовской грамоте 1558 г.<sup>92</sup> По В. Д. Назарову, он свой чин получил не ранее второй половины 1557 г., хотя, на наш взгляд, это могло произойти и ранее, т. е. осенью 1556 г.<sup>93</sup>

Если теперь вернуться к разбору всей рубрики, содержащей список областных дворецких в целом, то можно прийти к следующим выводам. Рубрика составлена скорее всего единовременно. Только упоминание о Хилкове носит характер вставки. Она относится к лету 1557 г.—лету 1558 г. Рубрика составлена не позднее начала 1560 г. (когда известен дмитровский дворецкий Головин, отсутствующий в ней). Скорее всего ее появление следует датировать временем около 1556 г. (вскоре после этого И. И. Жулебин умер, а до осени 1556 г. Выродков не был дворецким). Отсутствие списка дворецких в Дворовой тетради до этого времени, возможно, связано с перестройкой государственного аппарата, когда к 1551/52 г. ряд дворцов не имел своих начальников и судьба их была не вполне ясна. К началу 60-х годов дворцы в своем большинстве перестают существовать. Объяснение причин этого выходит за рамки текстологического анализа Дворовой тетради и должно стать предметом специального исследования.

За разделом, посвященным областным дворцам, в Дворовой тетради идет список казначеев. В последнее время В. Д. Назаров дал четкую картину смены состава казначеев в 50-х годах XVI в.<sup>94</sup> Его выводы используются далее.

Первым в списке назван Н. А. Фуников-Курцев. Однако он стал казначеем между августом 1560 г.—февралем 1561 г. (если

<sup>90</sup> Сб. РИО, т. 59, с. 42.

<sup>91</sup> АФЭХ, ч. 2, № 273, 250; Назаров В. Д. Из истории..., с. 86.

<sup>92</sup> «Продолжение ДРВ», ч. X. СПб., 1795, с. 2.

<sup>93</sup> Назаров В. Д. Из истории..., с. 90. — До июля 1557 г. ставил «град» в устье Наровы (ПСРЛ, т. XIII, первая половина, с. 280, 284). Летом 1556 г. дьяк (РК, с. 157). Осенью 1556 г. ставил град в Галиче (ПСРЛ, т. XIII, первая половина, с. 276). Не был ли в последнем случае Выродков уже углицким дворецким?

<sup>94</sup> Назаров В. Д. Из истории..., с. 92—93.

учитывать историю текста Дворовой тетради, то не позднее августа 1560 г.). В 1549—1553 гг. он был печатником (помещен в Дворовой тетради дальше в качестве такового), а затем, как мы уже писали, тверским дворецким. Думаем, что запись о казначействе Фуникова — позднейшая приписка в начале рубрики (как И. Д. Бельского в рубрике «бояре»). Первоначально в списке находились И. П. Головин и Ф. И. Сукин. Первый из них известен в качестве казначея уже летом 1549 г. и пробыл им во всяком случае до февраля 1554 г.,<sup>95</sup> после этого став окольным (в списке помета: «Окольным»). Ф. И. Сукин казначеем сделался к октябрю 1546 г. и пробыл им до 1560 г., когда в августе уже упомянут как окольный. На его казначейское место назначили Н. А. Фуникова. К осени 1554 г. казначеем (вместо Головина) стал Х. Ю. Тютин (его имя, очевидно, позднее приписано в Дворовой тетради, когда Головин оказался «В подлинной почернен»).

Следующий раздел Дворовой тетради озаглавлен «Постельничные». Здесь помещены А. В. Мансуров и И. М. Вешняков, которые, очевидно, и занимали эту должность в момент составления Дворовой тетради, т. е. в 1551/52 г.<sup>96</sup> Сведения о И. М. Вешнякове как о постельничем датируются 1553—1559 гг. Последние сведения о Мансурове относятся к 1550 г.

С. О. Шмидт считает, что должность постельничего некоторое время исполнял А. Ф. Адашев.<sup>97</sup> Действительно, А. Курбский дважды называет его «ложничим»,<sup>98</sup> как и Вешнякова.<sup>99</sup> И. И. Смирнов осторожно пишет, что Адашев мог быть постельничим только в 1553 г., ибо в рассказе о событиях этого года Курбским он назван «ложничим».<sup>100</sup>

Р. Г. Скрынников отрицает возможность получения Адашевым чина постельничего, ибо это ведомство было второстепенным.<sup>101</sup> В июне 1553 г. Вешняков был «стряпчим в избе» вместе с А. Ф. Адашевым,<sup>102</sup> что как будто свидетельствует о причастности Адашева к ведомству, где служил Вешняков. С другой стороны, в Дворовой тетради о постельничестве Адашева не говорится. В октябре 1550 г. он, судя по Тысячной книге, был еще обыкновенным дворовым сыном боярским, а в марте 1553 г. —

<sup>95</sup> ЦГАДА, Турецкие дела, кн. 1, л. 401; Зимин А. А. О составе дворовых учреждений..., с. 194—195.

<sup>96</sup> Вешняков занял место постельничего М. Ф. Бурухина, который около 1551/52 г. постригся в Симонове монастыре (Пассен В. В. Историческое описание Московского Симонова монастыря. М., 1843, с. 70).

<sup>97</sup> Шмидт С. О. Правительственная деятельность А. Ф. Адашева. — Уч. зап. МГУ, 1954, вып. 167, с. 38—39.

<sup>98</sup> РИБ, т. XXXI, 1914, стб. 210, 246.

<sup>99</sup> Там же, стб. 237.

<sup>100</sup> Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. М.—Л., 1958, с. 229.

<sup>101</sup> Скрынников Р. Г. Начало опричнины, с. 83—84.

<sup>102</sup> РК, с. 141.

уже думный дворянин. Таким образом, если признать сведения Курбского верными, то Адашев был постельничим после ухода Мансурова, где-то около 1552—начала 1553 г.

К ноябрю 1562 г. постельничим стал Я. В. Волинский.<sup>103</sup> В Дворовой тетради он записан по Рузе без упоминания о постельничестве.

Вслед за постельничими в Дворовой тетради помещен «печатник и дяк» Н. А. Фуников-Курцев, исполнявший эту должность во всяком случае до конца октября 1553 г.<sup>104</sup> В известиях о печатниках в дальнейшем наступает длительный перерыв. Так как никаких новых имен в Дворовой тетради нет, то напрашивается вопрос: не продолжал ли Курцев исполнять обязанности печатника наряду с другими? После конца января (но до 9 февраля) 1561 г. печатником стал дяк И. М. Висковатый.<sup>105</sup> В Дворовой тетради он помещен еще среди больших дяков с пометой «Отказ». Отсутствие его имени в рубрике «печатник» говорит о том, что Дворовую тетрадь прекратили составлять до февраля 1561 г.

Разделы Дворовой тетради, дающие список дяков середины XVI в. («дяки большие» и «дворовые», по списку *М* «дворцовые»), поддаются расслоению на хронологические пласты с большим трудом. Работами Н. П. Лихачева, П. А. Садикова, С. Б. Веселовского и В. Д. Назарова<sup>106</sup> много сделано для изучения сведений о деятельности дяческого аппарата этого периода. Сохранившийся комплекс источников не позволяет с необходимой полнотой восстановить биографии многих дяков, а это не дает возможности определить и время их включения в текст Дворовой тетради. Но общую картину представить можно.

В. Д. Назаров опубликовал список дяков, известных в январе 1547 г.<sup>107</sup> Это позволяет выяснить, кто из дяков Дворовой тетради был внесен в ее первоначальный текст.

В рубрике «Дяки большие» помещены глава Разрядной избы И. Е. Цыплятев (известен как дяк еще в 1546/47 г.),<sup>108</sup> Угрим Львов Пивов (с 1553/54 г. глава Большого прихода, как дяк известен еще в 1547 г.), разрядный дяк И. Г. Выродков (известен как дяк еще с 1546/47 г.), глава Посольской избы И. М. Висковатый (как дяк известен с 1549 г.), Федор Постник Никитин Губин, казенный дяк (известен с 1542 г., по помете *М* «отставлен»), А. Васильев, разрядный дяк (известен с 1549/50 г.),

<sup>103</sup> РК, с. 199. — По списку *М* был постельничим 7 лет.

<sup>104</sup> Сахаров И. П. Сказания..., т. II, кн. VI, с. 56.

<sup>105</sup> Сб. РИО, т. 71, с. 25—26.

<sup>106</sup> Лихачев Н. П. Разрядные дяки XVI века. СПб., 1888; Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. М.—Л., 1950; Веселовский С. Б. Дяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975; Назаров В. Д. Из истории..., с. 76—96. — Приводимые данные о дяках основаны на материалах, опубликованных этими исследователями.

<sup>107</sup> Назаров В. Д. Свадебные дела XVI века. — Вопр. истории, 1976, № 10, с. 121—122.

<sup>108</sup> Лихачев Н. П. Разрядные дяки..., с. 236—237.

К. А. Фуников-Курцев (известен с 1554 г.), Семен Путила Михайлов Нечаев-Митрофанов, поместный дьяк (известен уже в 1549 г.), далее снова Угрим Львов (в некоторых списках его нет, в первом случае у его имени помета «В подлинной почернен»), затем Иван Тимофеевич Клобуков (с 1547 г. дьяк, с 1556 г. первый дьяк Большого дворца), дьяк Тверского дворца Иван Безсонов (с 1552 г. в Казани, помета «Во Псков»), Тимофей Горышкин (как дьяк известен с 1547 г.), Василий Неелов<sup>109</sup> (известен с февраля 1556 г., когда ведает разбойными делами,<sup>110</sup> по помете *М* «умре»).

Аникита Дятел Григорьев Мешков как дьяк упоминается с 1549/50 г. Дмитрий Тимофеевич Скрипицын с 1539 по 1550 г. был новгородским дьяком. С 1556/57 г. есть сведения о его службе в Москве (по помете *М* «умре»). Федор Огарев известен с 1547 г., одно время (1550/51 г.) служил в Дмитровском дворце. Иван Ишук Иванович Бухарин был в 1549/50 г. дьяком в Новгороде, упоминается в разрядах 1556/57 г. Старый дьяк Юрий Сидоров (известен с 1547 г.) был одним из виднейших специалистов по финансовым вопросам, осуществлял общегосударственный пересмотр жалованных грамот в 1551 г. Юрий Семенович Башенин на дьяческом поприще выступал уже в 1548 г. Петр Тараканов<sup>111</sup> принадлежал к известной новгородской купеческой фамилии. Постник Игнатъев-Путятин известен еще с 1542 г.; по помете *М* «в черницах». С 1547 г. известен дьяк Василий Борисович Колзаков, ведавший и ямскими, и дворцовыми делами. Еще в 1549 г. дворцовым дьяком был Федор Семенов. В сентябре 1552 г. как дьяк выступает Никита Бернядинов, а Шестак Воронин был дьяком Угличского дворца еще в 1547 г., а в 1552 г. он служил по дворцовому ведомству.

Видный дьяк Дмитрий Фомин Горин появляется уже в своем дьяческом звании в 1547 г., а с 1550/51 по 1554 г. служил в Новгороде. С 1551 г. известен дьяк Данила Федоров Вылузга (по помете *М* «почернен», т. е. прекратил свою деятельность до 1559/60 г.).<sup>112</sup> Федор Ляпун Ковезин с 1550 г. возглавлял канцелярию Тверского дворца. Богдан Логинов в 1550/51 г. служил дворцовым дьяком в Новгороде. Судя по помете, был потом определен «Во Псков». Старый дьяк Борис Александрович Шекин (известен с 1547 г.) еще с 1549 г. ведал разбойными делами

<sup>109</sup> В тексте описка: «Мелов».

<sup>110</sup> Юшков А. Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества, ч. 1. М., 1898, № 178, с. 160.

<sup>111</sup> В ящике 215 Государственного архива хранилось дело Х. Тютинина с П. Таракановым (не позднее 1565 г.).

<sup>112</sup> Упомянут в мае 1555 г. (Памятники русского права, вып. 4. М., 1956, с. 360).

(то же и в сентябре 1555 г.).<sup>113</sup> Затем, судя по помете, отправлен был «в Новгород», где был с января 1557 г. по сентябрь 1559 г.

Таков состав больших дьяков, который был, очевидно, еще в первоначальном тексте Дворовой тетради, т. е. к 1551/52 г. Остальная часть дьяков появляется к середине и во второй половине 50-х годов XVI в. Заметной фигурой среди казенных дьяков был Третьяк Митрофанов, специализировавшийся на сборе торговых пошлин (особенно с Новгородской земли в 1554—1557 гг.). Дьяк Плохой Семенов Цвиленев в 1554—1557 г. находился в Свияжске, по помете «В опале». Василий Ступа Андреев ведал в финансово-административном отношении Двиною (1554—1556 гг.). Яков Григорьев сын Захарова (Гнилевский) как дьяк был известен еще в 1547—1548 гг., но потом исчез с горизонта и появился в 1556/57 г. Дьяк Федор Фатьянов упоминается как дьяк с 1553/54 г. и в 1557 г. Никита Семенович Тумской с 1556 г. был вторым дьяком Большого дворца. Григорий Пестов служил в Разрядной избе во всяком случае в декабре 1555 г.<sup>114</sup> Он подписал уставную книгу Разбойной избы (1555—август 1556 г.) как «Григорий».<sup>115</sup> Поэтому, думаю, что и «Григорий», помещенный в конце списка больших дьяков, — это все тот же Пестов. Петр Кошнев упоминается как дьяк в октябре 1555 г. По помете «Взят в опале». Виднейшим деятелем Поместной избы с 1555 г. был дьяк Василий Степанов. Дворцовый дьяк Павел Никифоров в 1553 г. ведал сбором оброка с земель. По помете *М* «умре». Об Игнатии Дюпине известно только, что он был дьяком в начале 1547 г. Очевидно, в его судьбе были какие-то перемены, и если он и появился снова в середине 50-х годов, то не надолго. Следующих два дьяка впервые упоминаются в 1555 г. Это ямской дьяк Иван Семенович Мацнев (известный до 1559 г.) и Иван Матвеев (известный до 1557 г.). Последнего, судя по помете, отправили «в Новгород».

С Мацнева до конца раздела (кроме последнего Григория) помещаются дьяки, известные по разрядам походов 1557 и 1559 гг. Шесть дьяков первоначально записаны были как дворцовые (Д. Слугин, В. Мелентьев, Р. Житково, И. Царегородцев, Л. Офутин и М. Вислово<sup>116</sup>). «Перевод» дьяков произошел довольно поздно, так как Д. Слугин еще в 1557 г. был дворцовым дьяком.<sup>117</sup> По помете в тексте Дворовой тетради Кузьма Федоров отправлен был «в Казань», где и находился во всяком случае с 1559/60 г. Иван Юрьев в 1552/53 г. дьяк, возможно Разряда,

<sup>113</sup> Зими и А. А. Губные грамоты XVI века из Музейного собрания. — Зап. Отдела рукописей Гос. библ. СССР им. В. И. Ленина, вып. 18, 1956, с. 220.

<sup>114</sup> Там же, с. 229.

<sup>115</sup> Памятники русского права, вып. 4, с. 360, 370.

<sup>116</sup> В списке описки: «Висанин».

<sup>117</sup> РК, с. 164.

упоминается в разрядах 1556 и 1559 гг.<sup>118</sup> В. Мелентьев еще в марте 1558 г. был дворцовым дьяком, следовательно, попал в список больших дьяков после этого.

Рахман Порфирий Житково известен как дьяк в 1559 г.<sup>119</sup> То же относится и к сыну знаменитого временщика Сильвестра Анфиму.<sup>120</sup> Анфим и все остальные дьяки раздела упомянуты в разряде похода 1559 г.<sup>121</sup> С. Олябьев, Т. Дубровин,<sup>122</sup> М. Вислово упомянуты в разряде похода 1557 г.<sup>123</sup> Так что часть списка, включая Мясоеда, составлена была, очевидно, еще в 1557 г. Зато все остальные дьяки упоминаются не ранее 1559 г., т. е. они приписаны в последний год-два ведения Дворовой тетради.<sup>124</sup>

Итак, список больших дьяков кончается теми, которые включены были в текст Дворовой тетради, очевидно, в 1559 г.

В списке дворцовых дьяков о первом (Никите Шишкине) нам ничего не известно (по помете *М* «умре»), двое следующих, несомненно, были в первоначальном тексте Дворовой тетради 1551/52 г. Захарий Иванович Панфилов в 1550—1554 гг. был первым дворцовым дьяком.<sup>125</sup> В. Мелентьев служил во Дворце с 1552 г. во всяком случае до марта 1558 г., после чего его перевели в ранг больших дьяков. Панфилов до своего перевода не дожил (по помете *М* «умре»). Вероятно, далее идут позднейшие приписки. Для М. Вислово это устанавливается тем, что он помещен в тетради еще по Белоозеру с пометой «Дьяк». Впервые как дворцовый дьяк он упомянут летом 1556 г.<sup>126</sup> И. Царегородцев, Р. Житково и Л. Офутин в 1557 г. были уже, наверное, большими дьяками.<sup>127</sup> Дворцовыми тогда были И. Никифоров (Булгаков) и Д. Слугин.<sup>128</sup> Шесть дворцовых дьяков в 1557—1558 гг. были переведены в большие (среди них В. Мелентьев, И. Царегородцев, Р. Житково, Л. Офутин, М. Вислово, Д. Слугин).

<sup>118</sup> РК, с. 167, 182.

<sup>119</sup> РК, с. 182.

<sup>120</sup> Дальнейшую биографию Анфима см.: Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, с. 42—44, 49—51, 55, 57—59.

<sup>121</sup> РК, с. 182. — Исключение составляют М. Вислово, И. Юмин, П. Некрасов и Непея Григорьев.

<sup>122</sup> Дубровин упоминается как дьяк еще в 1544, 1549 и 1552/53 гг. (Веселовский С. Б. Дьяки..., с. 163). Но был ли он большим дьяком, неизвестно.

<sup>123</sup> РК, с. 163—164.

<sup>124</sup> Правда, П. Некрасов известен как дьяк только в 1570 г., зато К. Дубровский с 1554 по 1557 г. служил дьяком в Новгороде, а в Москве появился только в 1558 г. Д. Лазарев был дьяком Поместной избы в марте 1558 г. (Веселовский С. Б. Дьяки..., с. 284—285, 360). Осип Непея Григорьев в июне 1556 г.—сентябре 1557 г. находился в посольстве в Англии.

<sup>125</sup> Назаров В. Д. Из истории..., с. 85.

<sup>126</sup> РК, с. 157.

<sup>127</sup> РК, с. 164.

<sup>128</sup> РК, с. 163—164.

гия). Оставались во Дворце И. Никифоров (с 1557 г.) и Второй Дулов (упомянут как дворцовый дьяк в 1559 г.).<sup>129</sup>

Замыкается список думных и дворцовых людей сокольничим И. Ф. Наумовым (был таковым во всяком случае в июне 1553 г. — летом 1556 г.).<sup>130</sup> Он, очевидно, был в первоначальном тексте Дворовой тетради. Вероятно, он занимал свою должность на протяжении всех 50-х годов. По списку *М* он был сокольничим в течение тринадцати лет после Ф. М. Нагого и Г. Д. Ловчикова (Нагой был уже к 1551/52 г. окольниковым, а Г. Д. Ловчиков в 50-е годы еще служил по Можайску. Известно, что ловчим он был с 1567 г.).

Итак, текстологический анализ разделов Дворовой тетради, посвященных личному составу Боярской думы, казны и государева двора, позволяет сделать некоторые выводы. Если учитывать разновременность записей в текстах этих разделов, то исследователь получает новые данные по истории формирования руководящих деятелей центральных правительственных учреждений в период реформ «Избранной рады», во всяком случае с 1551/52 по 1559/60 г. Становится возможным поставить некоторые новые вопросы по истории отдельных учреждений, в частности о судьбе так называемых областных дворцов в начале 50-х годов XVI в. Наконец, методический аппарат исследователя делопроизводства центральных правительственных ведомств середины XVI в. обогащается новыми приемами текстологического анализа, которые могут быть использованы как при анализе других разделов Дворовой тетради, так и при работе с разрядной документацией более позднего времени (десятьями, боярскими списками и книгами).

**Г. А. ПОБЕДИМОВА**

### **ОБЫСКНАЯ КНИГА 1573 г. ДЕРЕВСКОЙ ПЯТИНЫ**

Обыскные книги Новгородской земли уже не раз привлекали внимание историков.<sup>1</sup> Наиболее обширным и интересным источником подобного типа является обыскная книга 1573 г. Деревской пятины.<sup>2</sup> Сравнительно недавно введенная в научный оборот, она

<sup>129</sup> РК, с. 182.

<sup>130</sup> РК, с. 141, 157. — В 1553 г. он так же, как в Дворовой тетради, помещен после дьяков.

<sup>1</sup> Осьминский Т. И., Романовский В. М. и Шапиро А. Л. Новгородские обыскные книги второй половины XVI в. — Вспомогат. истор. дисциплины, VII. Л., 1976 (далее — Новгородские обыскные книги), с. 168—169.

<sup>2</sup> ЦГАДА, ф. 137 по Устюгу, № 117, л. 251—792 об., сст. 131—138. На л. 256—262 — таможенная книга XVII в. по Устюгу.